JEL: E02, E42, E64

УДК 330+336+338

DOI: [10.14530/se.2018.1.007-015](https://doi.org/10.14530/se.2018.1.007-015)

РОССИЙСКИЙ КРИЗИС: ОЖИДАНИЯ ПРОТИВ ФАКТОВ

П.А. Минакир

Минакир Павел Александрович – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.
ORCID: 0000-0002-5451-5662

Аннотация. 2015–2016 гг. оказались периодом самого продолжительного в новейшей российской экономической истории спада (не считая трансформационного кризиса 1990-х гг.). К концу 2016 г. появились признаки окончания кризиса, а 2017 г., казалось бы, дал основание считать, что кризис преодолен. В какой степени действительно преодолены системные проблемы внутренней экономики и нивелированы внешние шоки, которые выступили катализатором структурных и институциональных провалов, образующих фундаментальную основу кризиса? Обсуждению этого вопроса посвящена настоящая статья. Анализируются экспертные оценки и данные статистики за 2017 г. Показано, что ожидания преодоления кризиса конфликтуют с объективными индикаторами экономической динамики. Это проявляется в следующем. Во-первых, в невысокой способности к самогенерации экономического роста. Хотя мультипликатор выпуска в целом по экономике несколько увеличился после катастрофического снижения к 2000 г. по сравнению с 1990 г. (до 1,35 против 2,0), но все еще остается низким (1,93). В значительной степени это объясняется примитивизацией российской экономики, в которой к началу кризиса уровень межотраслевых взаимодействий и длина цепочек добавленной стоимости сократились по сравнению с началом 1980-х гг., хотя в передовых экономиках происходили противоположные процессы. Во-вторых, неизменной институциональной оболочкой, которая по-прежнему остается наиболее проблемной областью с точки зрения перехода к экономике роста, генерирующего увеличение качества жизни. Одновременное решение двойственной задачи: сохранить «стабильность» институтов и обеспечить динамичное развитие экономики и общества – представляется невозможным.

Ключевые слова: кризис, темпы роста, структура, накопление, потребление, внешний рынок, Россия

Для цитирования: Минакир П.А. Российский кризис: ожидания против фактов // Пространственная экономика. 2018. № 1. С. 7–15. DOI: [10.14530/se.2018.1.007-015](https://doi.org/10.14530/se.2018.1.007-015).

For citation: Minakir P.A. Russian Crisis: Expectations Against Facts. *Prostranstvennaya Ekonomika* = *Spatial Economics*, 2018, no. 1, pp. 7–15. DOI: [10.14530/se.2018.1.007-015](https://doi.org/10.14530/se.2018.1.007-015). (In Russian).

В течение всего 2017 г. и эксперты, и представители власти с энтузиазмом обсуждали завершение кризиса в экономике, адаптацию к внешним шокам и переход к новому равновесному состоянию, которое характеризуется уменьшением зависимости от темпов роста внутреннего потребления, снижением влияния волатильности нефтяных цен на мировом рынке и переходом к низкой инфляции. Особенно оптимистично реляции о завершении кризиса и переходе к устойчивому экономическому росту звучали в конце лета – начале осени 2017 г., когда экономика показала по итогам II квартала наивысший в истекшем году темп роста (I квартал – 0,8%, II – 2,5%, III – 1,8%, IV – 1,1%). Основания для оптимизма усматривались в том, что впервые после 2015 г. российская экономика оказалась в зоне положительных квартальных приростов ВВП. Само по себе это действительно позитивная новость, но в какой степени реальные данные позволяют с оптимизмом смотреть в будущее и, главное, какое именно экономическое будущее они сулят? Ликвидированы ли или хотя бы начата ли работа по ликвидации тех институциональных провалов, которые ранее (Минакир, 2016) нами определялись как основная причина экономического кризиса 2015–2016 гг., и в наиболее концентрированной форме проявляются как искажения в области государственной экономической политики (Ивантер, 2016)?

ФАКТЫ И НАДЕЖДЫ

То, что макроэкономические индикаторы в 2017 г. демонстрируют позитивную динамику, – очевидный факт, во всяком случае с точки зрения статистических наблюдений и измерений (*табл. 1*). Однако более детальное рассмотрение этих индикаторов оставляет некоторые вопросы.

Таблица 1

Макроэкономические индикаторы в России, % к предыдущему году

Индикатор	2016	2017
ВВП	99,8	101,5
Промышленность	101,3	101,0
Сельское хозяйство	104,8	102,4
Транспорт	101,8	105,4
Розничная торговля	95,4	101,2
Оборот внешней торговли	86,6	125,1
Инвестиции	99,4	104,2
Реально располагаемые доходы населения	94,2	98,3

Источник: Социально-экономическое положение России в 2017 году / ФСТС. 2018. URL: www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-12-2017.pdf (дата обращения: февраль 2017).

Прирост ВВП в 2017 г. сложился в основном за счет прироста на транспорте, в розничной торговле, прироста инвестиций в основной капитал и прироста оборота внешней торговли. Динамика в промышленности и в сельском хозяйстве ухудшилась по сравнению с 2016 г.

Наиболее просто объясняется прирост показателя на транспорте, который сильно коррелирует с приростом внешнеторгового оборота. Улучшение же внешнеторговой статистики является, очевидно, следствием смягчения внешних конъюнктурных ограничений (рост цен на углеводороды, климатический шок в Западной Европе, увеличение зернового экспорта и пр.). Смягчение конъюнктурных ограничений преодолело действие фундаментального ограничителя для экспорта – повышение курса рубля, который к декабрю 2017 г. вырос по отношению к доллару США в сравнении с декабрем 2015 г. на 21%, что одновременно стимулировало импорт. Однако для длительного периода укрепление рубля остается проблемой с точки зрения поддержания экономического роста, который в большой степени базируется на стабильно низком валютном курсе при отсутствии его высокой волатильности (Полтерович, Попов, 2016).

Рост в секторе розничной торговли на первый взгляд выглядит алогичным, учитывая продолжившееся в 2017 г. снижение реальных располагаемых доходов населения (на 1,7%). Очевидно, некоторое изменение сберегательной модели поведения потребителей оказалось связано с улучшением условий потребительского кредитования в связи со снижением ключевой ставки Центробанка, официальными отчетами о низкой инфляции в потребительском секторе и укреплением рубля по отношению к доллару США. Вероятно, важным фактором стала и «усталость» домашних хозяйств от откладывания расходов на текущее потребление. Эта усталость поспособствовала некоторой смене пессимистических ожиданий на веру в позитивные изменения под влиянием агрессивной пропаганды макроэкономических успехов. При этом очевидный дефицит реальных доходов был компенсирован ростом закредитованности, в том числе и в секторе микрозаймов, что особенно ярко свидетельствует о дефиците доходов и нежелании населения более откладывать удовлетворение наиболее насущных потребностей. Причем, судя по квартальным данным, уверенность потребителей в том, что настало время для изменения поведения, усиливалась в течение года. Прирост оборотов розничной торговли монотонно увеличивался в течение всех кварталов 2017 г. (–1,6% в I, +1% во II, +2,1% в III и +3% в IV).

В целом вышеприведенные данные вполне укладываются в картину, предшествовавшую наступлению кризиса в 2015 г. В период 2011–2014 гг. также наблюдалась положительная динамика внутреннего потребительского и инвестиционного спроса. Однако тогда этого оказалось недостаточно

для нивелирования внешних шоков. Способность к самогенерации экономического роста остается невысокой. Хотя мультипликатор выпуска в целом по экономике несколько увеличился после катастрофического снижения к 2000 г. по сравнению с 1990 г. (до 1,35 против 2,0), но все еще остается низким (1,93). В значительной степени это объясняется примитивизацией российской экономики, в которой к началу кризиса уровень межотраслевых взаимодействий и длина цепочек добавленной стоимости сократились на 32% по сравнению с началом 1980-х гг. (Широв, 2018), хотя в передовых экономиках происходили противоположные процессы.

В течение 2015–2017 гг. описанные ранее (Минакир, 2016) автоматические регуляторы (стимулирование экспорта в результате снижения курса рубля, стимулирование предложения в результате санкционного блокирования импорта) совместно с вышеупомянутым смягчением внешних конъюнктурных ограничений в некоторой степени компенсировали системные диспропорции в российской экономике, но это пока не дает основания для оптимистичного вывода о завершении кризиса и переходе к стабильному экономическому развитию.

Во-первых, следует обратить внимание на характер поквартальной динамики в экономике (табл. 2). За исключением оборота розничной торговли, динамика которого, как отмечалось выше, определялась «усталостью от потребительского воздержания» и запаздыванием реакции на изменение макроэкономической информации, экономическая динамика имела характер выраженной синусоиды с гребнем во II квартале.

Таблица 2

**Квартальная динамика макроэкономических показателей,
% к предыдущему кварталу**

Период	Стоимость выпуска по базовым отраслям		Оборот розничной торговли		Грузооборот на транспорте	
	2016	2017	2016	2017	2016	2017
I квартал	100,3	100,6	95,0	98,4	101,5	105,3
II квартал	100,3	103,8	95,1	101,0	101,0	109,3
III квартал	100,6	102,1	96,1	102,1	102,8	105,5
IV квартал	100,8	99,5	95,4	103,0	101,7	101,8

Источник: Социально-экономическое положение России в 2017 году / ФСГС. 2018. URL: www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-12-2017.pdf (дата обращения: февраль 2018).

К концу года динамика начала затухать вопреки обычному характеру сезонных колебаний, а также вопреки стабилизации относительно высокого уровня нефтяных цен на мировом рынке. Это свидетельствует о том, что устойчивых изменений фундаментальных условий воспроизводства, кото-

рые могли бы стать надежной основой восстановления экономической динамики, пока нет.

Во-вторых, среднемесячная динамика за период 2015–2017 гг. показывает, что ни в одном из основных экономических секторов, за исключением добывающей промышленности, уровень 2014 г. пока не достигнут (табл. 3). Большинство секторов экономики пребывают в состоянии стагнации. Исключение составляют добывающая промышленность и внешняя торговля. Для добывающих отраслей и экспорта переломным стал 2017 г., благодаря положительным сдвигам в ценовой конъюнктуре. Драйвером импорта явилось, начиная с 2016 г., укрепление рубля. Но в целом говорить о преодолении кризиса в смысле перехода от стагнации к оживлению на настоящий момент преждевременно.

Таблица 3

Среднемесячные темпы роста, %, июль соответствующего года по отношению к июлю 2014 г.

Сектор	2015	2016	2017
Розничная торговля	90,0	84,0	87,0
Строительство	97,0	97,0	99,0
Обрабатывающие производства	99,0	98,0	100,0
Добывающие производства	100,8	103,0	106,0
Промышленность в целом	99,0	100,0	100,0
Платные услуги	98,2	99,4	99,6
Экспорт	65,0	60,0	75,0
Импорт	66,0	75,0	90,0

Источник: Социально-экономическое положение России в 2017 году / ФСГС. 2018. URL: www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-12-2017.pdf (дата обращения: февраль 2018).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Несмотря на длительность кризиса и явно высокую роль институциональных провалов в его развитии, экономическая политика и характер функционирования институтов столь же постоянны, как и сам кризис. Никаких существенных изменений в области бюджетной, финансовой, денежной, налоговой политики по существу не происходит. По-прежнему экономическая политика ориентируется на подавление инфляции, полагая, что вполне достаточно достичь стабильности цен, равнозначной уверенности экономических агентов, и экономический рост будет достигнут сам по себе. Теоретические доказательства, равно как и эмпирический анализ, не могут поколебать этого заблуждения. Вместе с тем почти 20-летний понижающийся тренд инфляции вполне благополучно сосуществует с понижающимся же трендом темпов роста ВВП (рис. 1 и 2). Вера в то, что экономические

агенты при снижении темпов роста потребительских цен приобретают инвестиционную уверенность и прирост инвестиций стимулирует экономический рост, выглядит несколько странно с точки зрения не логики, но последовательности эффектов.

Рис. 1. Темпы инфляции в РФ, % к предыдущему году

Источник: Индексы потребительских цен по Российской Федерации в 1991–2018 гг. / ФСТС. 2018. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/tab-potr1.htm (дата обращения: февраль 2018).

Если говорить о потребительском рынке, то, напротив, снижение темпов роста цен снижает при данном темпе роста цен производителей стимулы для наращивания производства, в том числе стимулы для инвестиций, определяющих будущий прирост предложения. В этом смысле темп инфляции является индикатором напряженности потребительского спроса. И действительное значение имеет не темп роста потребительских цен, а ожидаемое изменение объема спроса на тот или иной продукт. В кризисе снижаются именно объемы спроса, что приводит к ужесточению ценовой конкуренции, вследствие которой при прочих равных условиях снижается темп роста цен или даже начинается дефляция, как это происходило, например, в августе – ноябре 2017 г. в России. Наибольшие темпы среднегодового прироста инвестиций в основной капитал в России регистрировались в периоды наивысших темпов потребительской инфляции. В 2002–2007 гг. среднегодовой темп роста инвестиций в основной капитал составлял 114,3% при среднегодовом темпе инфляции в 111,8% и среднем темпе роста ВВП 107% в год, а в 2010–2013 гг. эти показатели выглядели как 106,3%, 107,3% и 103,6%.

Темп инфляции, измеряемый темпом роста потребительских цен, зависит от реального прироста потребительского спроса и формируемого сторонней предложения уровня издержек, в том числе и импортных товаров. После всплеска инфляции в 2014–2015 гг. как раз из-за скачка издержек (рост импортных цен из-за девальвации рубля) темпы инфляции пошли вниз под воздействием изменения потребительской модели поведения.

Рис. 2. Темпы ВВП в РФ, % к предыдущему году

Источник: Валовой внутренний продукт / ФСГС. 2018. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm (дата обращения: февраль 2018).

Поэтому при всей «неполезности» потребительской инфляции возводить ее в ранг главного обвиняемого в падении экономического роста и наоборот нет никаких оснований. Однако это упорно делается, и более того, даже канонизируется¹. Между тем именно «инфляционные» меры остаются незадействованными для превращения модели «низкая инфляция – низкий рост» в модель «устойчивый рост – контролируемая инфляция», в которой не низкие темпы роста потребительских цен отражают стагнацию экономики и ожесточенную конкуренцию производителей за потребительские доходы при низком уровне разнообразия и невысоком качестве предложения, но высокие темпы роста предложения за счет эф-

¹ «В России сегодня, по сути, сформирована новая макроэкономическая реальность, с низкой инфляцией и общей устойчивостью экономики. Для граждан это условие для роста реальных доходов, снижения стоимости ипотеки. Для бизнеса – предсказуемость в работе и более дешевый кредит. Бизнес должен тоже адаптироваться, привыкнуть к этим новым макроэкономическим условиям. И, наконец, это позволяет привлекать длинные заемные средства и частные инвестиции в масштабные инфраструктурные проекты» (Послание..., 2018).

фекта масштаба и увеличения степени разнообразия и качества предложения на рынке обеспечивают снижение темпа роста цен и производителей, и потребительских цен.

Пока российская экономика далека от такой модели. По-прежнему усилия направлены на подавление инфляции монетарными методами, ограничением денежного предложения. Несмотря на увеличение объема инвестиций в основной капитал в 2017 г., среднемесячный объем размещенных средств в финансовой системе страны практически не изменился по сравнению с 2016 г. (53,5 и 53,3 трлн руб. соответственно), инвестиции поддерживаются, следовательно, собственными средствами экономических агентов. Низкой остается и степень монетизации ВВП (47% в 2017 г. и 43% в 2016 г.). Каким образом при этом предполагается увеличить норму инвестиций в ВВП до 27% (Послание..., 2018), хотя в 2017 г. эта норма составляла 21,4% (Бутрин, 2017), а главное, как достичь этого при сохранении «устойчивости экономики» при низком уровне темпов роста, остается загадкой, если только не идет речь об усилении нагрузки на государственный бюджет для финансирования источников экономического роста.

Следствие из вышеизложенного является столь же простым, сколь и банальным: институциональная оболочка по-прежнему остается наиболее проблемной областью с точки зрения перехода к экономике роста, генерирующего увеличение качества жизни. Одновременное решение двойственной задачи: сохранить «стабильность» институтов и обеспечить динамичное развитие экономики и общества, – представляется невозможным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бутрин Д. Экономическая баллистика // Коммерсантъ. 2018. 2 марта. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3561293?google_editors_picks=true (дата обращения: март 2018).
- Ивантер В.В. Стратегия перехода к экономическому росту // Проблемы прогнозирования. 2016. № 1. С. 3–7.
- Минакир П.А. Шоки и институты: парадоксы российского кризиса // Пространственная экономика. 2016. № 1. С. 7–13. DOI: 10.14530/se.2016.1.007-013.
- Полтерович В.М., Попов В.В. Валютный курс, инфляция и промышленная политика // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 1 (29). С. 192–198.
- Послание Президента Федеральному Собранию / Администрация Президента России. 2018. 1 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: март 2018).
- Шилов А.А. Практическое использование таблиц «затраты – выпуск» для обоснования решений в области экономической политики // Доклад на заседании секции экономики ООИ РАН. 28.02.2018 г.

RUSSIAN CRISIS: EXPECTATIONS AGAINST FACTS

P.A. Minakir

Pavel Aleksandrovich Minakir – Academician RAS, Doctor of Economics, Professor, Research Supervisor. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.
ORCID: 0000-0002-5451-5662

Abstract. 2015–2016 turned out to be the period of the most prolonged decline in the latest Russian economic history (not counting the transformation crisis of the 1990s). By the end of 2016 there were signs of the end of the crisis, and in 2017 it seemed to have given grounds to believe that the crisis was overcome. To what extent have the system problems of the domestic economy really been overcome and external shocks, which acted as a catalyst for the structural and institutional failures that form the fundamental basis of the crisis, have been leveled? This article is devoted to the discussion of this question. The article analyzed expert estimates and statistics for 2017. It is shown that the expectations of overcoming the crisis are conflicting with objective indicators of economic dynamics. This is manifested in the following. First, in the low ability to self-generation of economic growth. Although the multiplier of output in the economy as a whole increased somewhat after the catastrophic decrease by 2000 compared to 1990 (to 1.35 against 2.0), it remains low (1.93). It is explained considerably by the primitiveness of the Russian economy that saw the decrease in the level of intra-industrial interactions and the length of added value chains at the beginning of the crisis compared to the beginning of 1980s, although the opposite is seen in the advanced economies. Second, the constant institutional shell that remains the biggest problematic sphere when looking at transition to economy of growth that generates the increase in the quality of life. The simultaneous solution to the two-part problem: saving the ‘stability’ of institutional and providing the dynamic development of economy and society – appears to be impossible.

Keywords: crisis, growth rates, structure, accumulation, consumption, external trade, Russia

JEL: E02, E42, E64

REFERENCES

- Butrin D. Economic Ballistics. *Kommersant* [Businessman], 2018, 2 March. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/3561293?google_editors_picks=true (accessed March 2018). (In Russian).
- Ivanter V.V. Strategy of Transition to Economic Growth. *Problemy Prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*, 2016, no. 1, pp. 3–7. (In Russian).
- Minakir P.A. Shocks and Institutions: The Paradoxes of Russian Crisis. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2016, no. 1, pp. 7–13. DOI: 10.14530/se.2016.1.007-013. (In Russian).
- Polterovich V.M., Popov V.V. Exchange Rate, Inflation and Industrial Policy. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii = The Journal of the New Economic Association*, 2016, no. 1 (29), pp. 192–198. (In Russian).
- Presidential Address to the Federal Assembly*. Presidential Administration of Russia. 2018, March 1. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed March 2018). (In Russian).
- Shirov A.A. *Practical Using of Input-Output Table for Rationale of the Decision on Economic Policies*. Report at the Session of the Economics Section of the RAS Department of Social Sciences, 2018, 28 February. (In Russian).